

Макушки елей обмакнув в закат,
Жизнь пишет небо в облачных разводах.
Вчерашний день таскали в рюкзаках,
И он впитал весь пот, всю грязь и воду.

Мы сушим у палатки гардероб:
Штаны, штормовки, свитера и берцы.
И шутим, дескать, краше только в гроб...
И добавляем мата, словно перца.

Наваристый и острый разговор
Не расхлебать, услышав с середины,
Но скрадывает темень, будто вор,
Написанные с вечера картины.

От хвойных кистей резкие мазки:
Костёр дымит и жарко дышит в лица,
А сердце замирает от тоски
По летним дням, которым не продлиться.

* * *

Разъятая на органы страна:
На лес, на нефть, на золотые жилы.
В глубинке, где пригелась тишина,
Ждут городских поэтов старожилы.

Неужто я так беспросветно глуп,
Раз вижу немощ в этой древней силе?
Шесть лавок, восемь стульев — сельский клуб,
Куда нас со стихами пригласили.

Здесь пели ветры испокон веков.
Теперь тайга всё реже и плешивей.
И страшно в этом царстве стариков
Хоть парой строк, хоть парой слов сфальшивить.

* * *

Жизнь уходит в драму то и дело.
Дядя Ваня на язык остёр:
Говорит, мол, чайка пролетела
Над вишнёвым садом трёх сестёр.

Промелькнула искоркой надежды,
Сполохами виденных зарниц
И остыла словом где-то между
Сжатых губ и сомкнутых страниц.

Никакой заумной подоплёки,
Лишь вопрос, тягучий, как смола:
Отчего наводит грусть далёкий,
Лёгкий росчерк птичьего крыла?.

* * *

На влажных рельсах — брызги тишины
И отсветы от фонарей окрестных.
Здесь свет земной вбирает свет небесный
И делает земное неземным.

Сквозь сумрак утекают поезда.
Стучат-стучат... и исчезают в дымке.
Висит над миром блёклой невидимкой
Пронзительно-последняя звезда.

Её едва возможно разглядеть
В космическом пространстве надо мною.
А ей ещё лететь-лететь-лететь...
Из горних высей. Становясь земною.